

Эволюция древнего символа

Р. Г. Назиров

Подготовка текста Б. В. Орехова

I

Славянское слово «череп» знаменитый филолог Ф. Миклошич сближал с санскритским *карага* (глиняный сосуд) и глаголом «чръпати» (черпать). Смысл этой этимологии в том, что «черепом» изначально назывался сосуд для зачерпывания воды, черпак. Тогда современное слово «череп» следует признать возникшим из метафоры, точно так же, как это до сих пор прослеживается в таких анатомических названиях, как «грудная клетка» или «таз».

В пользу этого соображения говорит и то, что по-польски череп называется *czaszka* («чашка»). В одной из новгородских былин Садко скупает все товары Новгорода, так что остаются только «черпаны, гнилые горшки»; современное русское «черепок» означает обломок разбитой глиняной посуды. Добавим, что в языке новгородских былин человеческий череп называется ещё не черепом, а «мёртвой головой».

Однако смысловая связь черепа с сосудом гораздо древнее новгородских былин. Если взглянуть на вопрос шире и выйти за пределы славянского ареала, то мы увидим, что понимание этой связи может быть и обратным.

Дело в том, что первобытные люди, ещё не умевшие обжигать глину, уже имели посуду. В лесах она изготавливалась из бересты; русские охотники и по сей день умеют изготавливать такие кувшинчики и стаканы. Была посуда, выдолбленная из дерева (русские ночвы, деревянные ковши и миски). В тропических джунглях различные местные племена с необычайным искусством плетут из веток сосуда такой плотности, что она не пропускает воду. Сосудом может служить скорлупа кокосового ореха и т. п.

Но кочевники огромных открытых равнин не имели в своём распоряжении ни одного из этих естественных материалов. Между тем, без посуды они, естественно, не обходились. Для хранения воды в больших количествах применялся «мех», бурдюк — цельноснятая шкура животного. Пить из него неудобно, и на достархане он занял бы слишком много места. Никакой керамики у первобытных кочевников ещё не было, а каменные сосуды тяжелы для перевозки.

В качестве мелкой «столовой» посуды (термин условен, столов у кочевников не было и нет) применялся рог животного и человеческий череп. Поэтому рог уже в древности стал символом изобилия; как сосуд для питья он применяется по сей день (например, у наших кавказцев). Несколько сложнее с черепом.

Пережитки применения черепа в качестве чаши для питья широко засвидетельствовано историей.

Питьё из черепа — это древний и священный ритуал скифов и гуннов. Протоболгарский хан Крум после победы над византийским императором Никифором I Логофетом (811 год) оправил череп последнего в серебро и потчевал из него славянских князей. Из черепа киевского князя Святослава, попавшего в засаду у днепровских порогов (972 г.), печенежский князь сделал чашу и пил из неё на пирах. Заметим, что все эти примеры относятся к степным, скотоводческим народам, в основном тюркским (гунны — предки тюрков).

Нигде при этом не сообщается, что чаши делались из черепов всех убитых врагов: нет, для этого избирались головы самых значимых и могучих, либо императора, либо первого воителя эпохи, каким был Святослав. Их черепа служили почётными трофеями, но утилитарными. Практическое использование этих трофеев делало постоянным и наглядным гордое напоминание о трудной победе. Убить простого воина — это мало славы, но зато какая честь пить из черепа Святослава! В этом ритуале гордость соединялась с уважением к убитому врагу.

От гуннов этот обычай заимствовали и древние германцы, но у них этот обычай был несколько переосмыслен, о чём свидетельствует одна лангобардская легенда, вошедшая в известную хронику Павла Диакона (VIII век). Она связана с именем Альбоина, короля лангобардов в 561–572 годах. Он убил в сражении короля гепидов Кунимунда, к-рый, хотя и был варваром, получил от императора Востока официальное признание в обмен за вассальную присягу. Убив Кунимунда, Альбоин сделал из его черепа чашу для вина, а дочь убитого — Розимунду — взял в жёны.

Через нек-рое время, завоевав Северную Италию и утвердившись в Павии, Альбоин во время пира заставил королеву пить вино из черепа её отца. Оскорблённая Розимунда в душе поклялась отомстить: она организовала убийство мужа и стала править сама.

Эта легенда показывает, что череп-чаша становится предметом мстительной и злобной радости. Альбоин хотел унизить уже убитого врага, довершив свой триумф выразительным сочетанием: дочь пьёт из черепа отца; и дочь, и череп — во власти Альбоина.

Христианизация германцев положила конец этому восточному обычаю.

II

Череп издавна служил символом смерти. Он был одним из главных атрибутов великого и страшного бога Шивы в Индии. Древнеиндийская «Хвалебная песнь величию Шивы» упоминает об украшающей бога гирлянде черепов. В современном индуизме богиня-мстительница Дурга («Неумолимая») изображается в виде многорукой женщины с чёрным лицом; она держит нож и череп. Тимур приказал воздвигнуть башню из черепов (В. Верещагин).

Культовое значение имел череп и в доколумбовских культурах Южной Америки, особенно в Мексике и Колумбии. У мексиканцев по сей день череп остаётся привычным, даже праздничным символом, обязательным элементом гротескных композиций живописи; культ черепа освоен католической религией.

В христианской символике череп освящён Голгофой, что в переводе с древнееврейского означает «гора черепов» или «место черепов» (по-русски «лобное место»). На латынь Голгофа переведена как Кальвария (о лат. *calva* — череп).

Средневековая традиция Западной Европы создала из черепа неподвижную аллегория: голый череп с двумя скрещёнными берцовыми костями. Аллегория эта имела своё название — «Адамова голова», а также точное и однозначное прочтение: «Memento mori» (лат. «помни о смерти»). Такое изображение использовали на своих чёрных флагах пираты, угрожая тем самым смертью в случае сопротивления: они требовали сдачи без боя. Адамова голова (череп и кости) украшала персти масонов, и кольцо с Адамовой головой носил Пушкин — член масонской ложи «Овидий».

Издавна эта же эмблема ставилась в аптеках на ядовитых лекарствах, требующих осторожного обращения и умеренной дозировки; рядом с Адамовой головой делалась и надпись «Venena» («яд»). Адамова голова в недавнее время ещё изображалась у нас на трансформаторных будках как предупреждение об опасности («Высокое напряжение опасно для жизни!»).

От такого аллегорического изображения черепа следует отличать символическое. В Средние века всякий уважающий себя христианский аскет держал перед собою череп как напоминание о бренности жизни; с черепом в руках часто изображали святых, например, Марию Магдалину. В том же смысле выдержано и самое знаменитой в мировой литературе рассуждение о черепе — монолог Гамлета над черепом Йорика. Но здесь череп держит в руках не христианский аскет, а не мистик, не святой, а гуманист, мыслитель новых времён, и его медитации над черепом полны странного сомнения, удивления, почти негодования. То, что было саморазумеющейся истиной для Средних веков — ничтожество земной жизни, желанность смерти, бренность человека, — всё это возмущает душу Гамлета.

Гамлет сомневается. Он сомневается во всём, в том числе и в будущей загробной жизни. Этот скептик со шпагой, мрачный вариант Монтеня, рассматривает череп как символ злой насмешки природы над человеком. Средневекового мистика череп успокаивал, Гамлета же — будоражит.

III

Ренессанс не любил атрибутов смерти. Скептики и рационалисты забросили эти мрачные символы. Однако в XVIII веке к черепу вернулась прежняя фамильярная роль одного из постоянных объектов созерцания.

Эдвард Юнг испытывал очарование черепа, подобно средневековым аскетам. Но этот созерцатель придал черепу совершенно необычное назначение: он писал свои «ночные мысли» при свече, воткнутой в глазницу черепа. Он сделал из черепа подсвечник.

В начале XIX века молодой Байрон пировал с друзьями и весёлыми девицами в руинах принадлежавшего ему Ньюстэдского аббатства. На этих ночных пирах все носили монашеские одежды и пили в круговую из человеческого черепа. Байрон написал даже стихотворение «Надпись на кубке из черепа». Всё это было сознательным кощунством, насмешкой над

религией. Использование грозного символа в качестве винной чаши — это вызов, бросае́мый смерти.

Но у этой бравады есть предшественник — Юнг со своим необычным подсвечником.

Дерзость Байрона восхитила Европу. Теофиль Готье, вспоминая свою бурную юность и зарю французского романтизма, не без юмора описывает, как его кружок в подражание Байрону сделал винный кубок из черепа: один из друзей Готье стащил череп у своего отца-медика, а Готье привинтил к черепу ручку от комода.

Пушкин послал Дельвигу череп вместе со знаменитым шуточным стихотворением, в котором уверяет друга, что это череп его предка, остезийского барона.

Романтическая мода превратила череп в предмет игры. Дело дошло до того, что человеческий череп начал даже служить табачницей; отсюда один шаг до абажуров из человеческой кожи. Ибо романтическая бравада опошлела. Несерьёзное, игровое отношение к смерти чревато опасностью равнодушия и к жизни, и к смерти.

Те, кто не уважают смерть, не уважают и жизнь. В конце концов многие романтические шаблоны, предельно вульгаризированные, получили очень печальное завершение. Череп стал форменным знаком карателей: «гусаров смерти» Евлогия Шнейдера, к-рого Сен-Жюст арестовал и отправил на гильотину; ударных «батальонов смерти» в русской контрреволюции (1917 год); наконец, эсесовской дивизии «Мёртвая голова».

Атрибут великих и грозных богов древности превратился в игрушку хвастливых убийц. Так совершилась деградация символа, его превращение в пустую похвальбу людской жестокости.

И с этого уровня знания, бросая ретроспективный взгляд в прошлое религий, мы начинаем понимать, сколь непочтенны боги, которые любят смерть и обвешиваются черепами. Если уж выбирать из них, то насколько лучше Шивы весёлый проказник Брама или улыбающийся Будда с его абсолютным запретом убиения живого.

Христос никогда не изображался с черепом, и потому долгой исторической ошибкой представляются все христианские медитации над человеческим черепом. Влюблённость в смерть только поощряет палачей, а Христос не любил смерти: он врачевал и воскрешал, он тосковал перед арестом, молясь, пока спали ученики, и совсем не радовался смерти, как его ревностные последователи.

Нам не по душе «весёленькие пейзажики» Испании и Мексики, где черепов и их драгоценных изображений больше, чем аистов или придорожных лопухов. Череп, тихий друг аскетов, оставайся в земле, и да не смутят твоей покой глупые шутники и неудачливые коллекционеры! Художники, рисуйте живых людей.